

- Куда она исчезла?.. -

Антиб

Среда, 31 августа 2016 года

Длинный уикенд на Лазурном Берегу за несколько недель до свадьбы. Мы проживали их как блаженное вступление, радующую близость, согретую августовским солнцем.

Вечер начался чудесной прогулкой по форту старого города: стаканчик мерло на террасе кафе, спагетти с моллюсками под старинными каменными сводами времен Микеланджело. Мы говорили о твоей работе, о моей и о нашей свадьбе. Отпраздновать ее мы собирались в самом узком кругу: двое друзей-свидетелей и мой сынишка Тео, чтобы похлопать нам в ладоши.

На обратной дороге я сидел за рулем взятой напрокат машины, ехал медленно, чтобы ты успела полюбоваться видом побережья. Мне запомнились эти мгновения: свет зеленых глаз, развевающиеся волосы, короткая юбка, кожаный жилет, распахнутый на ярко-желтой майке с надписью «Power to the People¹». На поворотах, переключая скорость, я смотрел на твои золотистые ноги, мы улыбались друг другу, ты напевала старый хит Ареты Франклин.

Было так тепло, так славно... Мне запомнились эти мгновения: искорки в глазах, улыбка, волосы, летя-

---

¹ «Власть народу» (англ.).

щие по ветру, тонкие пальцы, отбивающие ритм на панели...

Мы сняли домик в «Ловцах жемчуга», красивом местечке с десятком вилл, смотрящих на Средиземное море. И когда поднимались по аллее, вдыхая смолистый запах сосен, у тебя широко раскрывались глаза — так красиво все было вокруг.

Мне запомнились эти мгновения: мы в последний раз тогда были счастливы.

* * *

Стрекотанье цикад. Убаюкивающий шум прибоя. Легкий ветерок, что смягчает влажное тепло вечера.

На террасе, прижавшейся к скалистому склону, ты зажгла душистые свечи и спираль против комаров, я поставил диск Чарли Хейдена. Как в романе Фицджеральда, я встал за стойку бара и стал готовить для нас коктейль. Твой любимый: «Лонг-Айленд айс ти», много-много льда и ломтик лайма.

Я редко видел тебя такой радостной.

Мы могли бы провести прекрасный вечер. Мы должны были провести прекрасный вечер. Но мне не давала покоя одна мысль. До поры до времени я держал ее под контролем. Но она не отпускала меня. Назойливо твердила одно и то же: «Знаешь, Анна, у нас не должно быть друг от друга секретов».

Почему желание знать *правду* одолело меня именно в этот вечер? Из-за близости свадьбы? Из-за того, что мы слишком быстро решились на этот шаг? Из-за боязни переступить порог?

Думаю, все вместе сыграло свою роль — и еще моя личная история, когда меня предали люди, которых, как мне казалось, я хорошо знал.

Я протянул тебе стакан и сел напротив.

— Я говорю серьезно, Анна, я не хочу жить во лжи.

— Надо же! И я тоже. Но жить без лжи не значит не иметь секретов.

— Значит, ты признаешь: у тебя есть секреты.

— У кого их нет, Рафаэль? Секреты — это прекрасно. Они — пограничные столбы, частичка нашей личности, кусочек прожитой жизни; они придают таинственности.

— Но у меня от тебя нет секретов.

— И что из этого?

Ты расстроилась, рассердилась. И я тоже. Куда подевалась наша радость, веселье? А нам было так хорошо в начале вечера...

Разговор мог бы на этом кончиться, но я продолжил, выложив новые аргументы. Я не мог остановиться, я должен был получить ответ на мучивший меня вопрос:

— Почему ты уходишь от ответа, как только я спрашиваю тебя о прошлом?

— Потому что прошлое прошло. Это аксиома. И его не изменишь.

Ответ мне не понравился.

— Прошлое определяет настоящее, и ты это прекрасно знаешь. Что ты от меня скрываешь, черт возьми?!

— Ничего, что могло бы грозить нам с тобой. Поверь мне. Поверь *нам* с тобой!

— Перестань отделяваться общими фразами!

Я стукнул кулаком по столу, и ты вздрогнула. Сколько разных чувств волной пробежало по твоему красивому лицу — и скорбь, и страх тоже...

Я злился, потому что мне очень хотелось успокоиться. Мы были знакомы всего полгода, и с нашей первой

встречи я полюбил в тебе все. И больше всего — таинственность, сдержанность, молчаливость и твой независимый нрав... Но бумеранг вернулся. Теперь твоя таинственность и сдержанность угнетала и мучила меня.

— Почему тебе так хочется все испортить? — спросила ты с непередаваемой усталостью в голосе.

— Ты знаешь, что я пережил. Я уже ошибался. И теперь ошибиться не имею права.

Я чувствовал, что причиняю тебе боль, но верил: я так тебя люблю, что могу выслушать все — и все понять. Я хотел утешить тебя, разделить с тобой тяжкую ношу прошлого, если ты мне ее доверишь.

Мне бы замолчать, прекратить разговор, но я не остановился. Я не пощадил тебя. Я почувствовал, что ты вот-вот что-то мне скажешь. И я посылал стрелу за стрелой, я изматывал тебя, чтобы ты перестала защищаться.

— Я хочу только правды, Анна!

— Правда! Правда! Ты только и знаешь, что твердишь слово «правда»; а ты уверен, что сможешь ее выдержать?!

Теперь нападала ты, и я невольно засомневался. Я не узнавал тебя. У тебя потекла тушь, а в глазах полыхал огонь, какого я никогда не видел.

— Ты хочешь знать, есть ли у меня секреты, Рафаэль? Отвечаю — есть! Ты хочешь знать, почему я не хочу их открыть? Потому что, узнав, ты не просто разлюбишь меня, ты меня возненавидишь!

— Неправда, я все пойму.

В этот миг я в себе не сомневался. Я был уверен, что приму все, что бы ты мне ни сказала.

— Нет, Рафаэль, это все слова. Слова из твоих романов, а жизнь — она совсем другое.

Что-то сдвинулось с места. В плотине приоткрылся шлюз. И ты — я ощутил это совершенно ясно, — ты захотела узнать, что я собой представляю. Ты тоже решила узнать, что я такое. И будешь ли ты любить меня дальше. После. Всегда. И вправду ли я люблю тебя. Или граната, которую ты приготовила, разорвет нашу связь.

Ты порылась в сумке и достала планшет. Набрала пароль, открыла галерею и не спеша стала листать фотографии, отыскивая нужную тебе. А потом, глядя мне в лицо, тихо произнесла несколько слов и протянула планшет. Я увидел секрет, которого так от тебя добивался.

— И сделала это я, — повторила ты.

Я в ужасе зажмурился, не желая видеть экрана; тошнота подступила к горлу, и я отвернулся. Ледяные мурашки побежали по телу, руки дрожали, кровь била в виски. Я был готов ко всему. Мне казалось, я пережил все, что можно. Но о *таком* я не думал никогда.

Я встал и почувствовал, что ноги у меня ватные. Голова закружилась, когда я шагнул, но я собрался и вышел из гостиной твердым шагом.

Моя сумка с вещами еще лежала в прихожей. Не глядя на тебя, я взял ее и покинул дом.

* * *

Отупение. Гусиная кожа. Жестяной вкус во рту. На лбу ледяные капли.

Я захлопнул дверцу машины и двинулся в ночь. Автоматически. Гнев и горечь перехватили горло. В голове сумбур. Жуть, увиденная на фотографии. Я ничего не понимаю. Знаю только одно: моей жизни конец.

Проехал несколько километров и заметил на вершине утеса строгий силуэт форта Карре. Мощная крепость. Последний дозорный перед выходом в море.

Нет. Я не мог так уехать. Я уже раскаивался, что просто взял и ушел. Я был в шоке. Я потерял самообладание, но я не мог уйти, не выслушав твоих объяснений. Я нажал на тормоз и развернулся прямо поперек шоссе, едва не сбив мотоциклиста, мчавшегося по встречной полосе.

Я должен был поддержать тебя, помочь избавиться от кошмара. Я должен был быть таким, каким себе представлялся: понимающим твою боль, способным разделить ее и помочь преодолеть. С предельной скоростью я мчался обратно: бульвар дю Кап, пляж Онд, порт Оливетт, башня Грайон, а затем узкий проселок, ведущий к частным домам.

— Анна! — позвал я, войдя в прихожую.

В гостиной никого. На полу осколки стекла. Этажерка с безделушками упала на журнальный столик и разбила стекло вдребезги. А поверх этажерки лежит связка ключей, которые я дал Анне несколько недель назад.

— Анна!

Большое окно за шторами стояло распахнутым. Я раздвинул бьющиеся на ветру шторы и вышел на террасу. И снова звал тебя, крича в пустоту. Набрал твой номер в мобильнике, но ответа не получил.

Обхватив голову руками, я стоял на коленях. Где же ты? Что произошло за те полчаса, пока меня не было? Какой сундук Пандоры я открыл, коснувшись твоего прошлого?

Я закрыл глаза, и побежали картинки нашей с тобой жизни. Полгода счастья, которое теперь ушло навсегда. Будущее, жена, наш ребенок — больше ничего нет, впереди пустота.

Как же я раскаивался...

Зачем говорить, что любишь, если не можешь защитить?..

День первый
ИСКУССТВО ПРЯТАТЬСЯ

- 1 -

Бумажный человек

Если у меня в руках нет книги, если я не думаю о той, какую напишу, я готов завить от тоски. Жизнь можно терпеть, только если от нее спрячешься.

Гюстав Флобер

1

Четверг, 1 сентября 2016 года

— Моя жена каждую ночь спит с вами; хорошо, что я не ревнив.

Шофер, страшно довольный шуткой, подмигнул мне в зеркальце. Затем притормозил и включил поворотник, собираясь свернуть на шоссе, ведущее из аэропорта Орли.

— Она у меня азартная. Я, впрочем, тоже прочитал несколько ваших книжек, — снова заговорил он, поглаживая усы. — Спору нет, захватывает, но для меня тяжело. Убийства, насилия... Скажу со всем моим к вам уважением, что у вас нездоровый взгляд на вещи. Будь вокруг нас столько ужасов, как у вас в романах, нам бы несдобровать.

Я не отрываясь смотрел на экран телефона и делал вид, что ничего не слышу. Только дискуссий о литературе и совершенстве мира мне не хватало в это утро.

Восемь десять. Первым самолетом я срочно вернулся в Париж. Звонил Анне — и попадал на автоответчик. Оставил ей десяток сообщений, извиняясь, прося прощения, умоляя перезвонить, потому что я в тревоге.